

21 мая 1981 года

К ЗАКРЫТИЮ ТЕАТРАЛЬНОГО СЕЗОНА

ДИАЛОГИ О НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЯХ

ИЛИ О ТОМ, НАД КАКИМИ ВАРИАНТАМИ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИИ ПРЕДЛАГАЮТ ЗАДУМАТЬСЯ ЗРИТЕЛЮ СПЕКТАКЛИ РУССКОГО ТЕАТРА ИМ. А. П. ЧЕХОВА

«Старый дом» А. Казанцева — недавняя премьера театра, спектакль, поставленный режиссером Наумом Бецисом, художника — Б. Соколов. Зритель этот спектакль сразу разделял на два непримиримых лагеря: восторженных и негодующих. Сторонники спектакля восхищены достоверностью и необычной смелостью рассказа о жизни, о любви. Противники задают вопрос: во имя чего испытываются в театре зрительские нервы и аусул?

Не стану оспаривать право театра на выбор пьесы. И не потому, что, дескать, дело сделано, что уж тут ахать и охать. Мне лично пьеса кажется малоинтересной. Но причины, по которым она может нравиться зрителю, мне понятны. Тема ответственности человека перед жизнью, умения отстоять ее светлые начала — любовь, честность, красота — от темных сторон бытия внимания достойна. Кроме того, есть в пьесе некоторая завораживающая необычность атмосферы старого дома, в котором якобы когда-то бывал Лев Толстой, а теперь, как вариант любви Ромео и Джульетты, сражаются и не выдерживают испытаний бытовыми «прелестями коммуналной квартиры», продают свое первое чувство двое молодых людей...

Если продолжить мысль о содержательности театра, о концептуальности режиссуры, о наполненности актерских решений, то «Старый дом» дает повод для многих тревожных раздумий.

Сознаю, как непрост этот вопрос. Но сколько ни вслушиваюсь в аргументы сторонников спектакля, не понимаю. Весь первый акт, наблюдая жизнь обитателей дома, пьяные драки, подглядывание в замочную скважину, заражаешься почти физической тревогой и отращением. Неужели этого добились театр своеобразным методом, бьющим по чувствам, обнажившим глубоко интимную жизнь людей? Не стал ли анализ нравственной атмосферы, в которой зародилось и погибло много прекрасное чувство, иной самоцелью, чрезмерным расходом актерских эмоций, трагедией, которая не оставила у актеров никаких ресурсов для того, чтобы хоть как-то противопоставить разгулу изменчивых страстей светлые чувства утраченной любви, грусти и прощания? Спектакль очень шумный: ссорятся мужья и жены, дерутся соседи, рыдает дочь больной женщины. Но спектакль фактически стоит на месте. Зрители по ходу действия перебиваются репликами: вот вот, так и бывает! И даже взрываются аплодисментами,

когда Саша хватается за ремень и хлещет им старого человека, сплетнича, вторгающегося в ее личную жизнь. А мне почему-то грустно. Неловко тому, у кого есть здоровое чувство таита, когда на чердаке десятижлассники Саша и Олег, едва сдерживая диканье обнимаются, лежа на диване. До этого здесь жили, строили планы, волновались два прекрасных человека. И вдруг — стараниями режиссуры — их подменяют матерьяльные, все понимающие... подставные лица. И я уже за них не волнуюсь. Я уже думаю, как далеко зайдет режиссер в своем самоуправии. И в зале это мало кого волнует, многим просто неловко. Скажу откровенно, я этому радуюсь.

**ЛЕНТОРИИ «ВК»
прекрасное рядом**

Спектакль обращен к эмоциям зрителей. Он не рассчитан на раздумье и анализ, а только на прямое эмоциональное воздействие. Но ведь ответные эмоции не беспричинны... Этот бурный карнавал натурализма, быстро себя исчерпывающий, не оставляет сил для анализа и выводов.

Не заражаясь единственно эмоцией, попробую спокойно рассмотреть позицию тех, кто не принял в нашем театре не просто спектакль «Старый дом», а сам принцип, по которому он сотворен.

Мы знаем многих преданных истине человеческих страстей художников, глубоко наблюдателей жизни, не раз дававших нам возможность заглянуть в сокровенные тайники человеческого поступка. Чехов, Вампилов, Товстоногов, актеры Лабеев, Смоктуновский. От них мы не раз слышали беспощадную правду о человеке и, вспоминая эту проникнутую любовью к человеку правду, мы, благодаря им, научились доверять знанию художников о человеке. Высок образцы названы для того, чтобы напомнить о высокой цели, с которой ведется в искусстве анатомию души человека, и чувства меры, с которыми это делается.

На что направлена сокрушающая актерская энергия в анализе быта коммуналки квартиры «Старого дома» в спектакле нашего театра? Почему театр, с такой силой разоблачая, не оставляет никаких надежд на какой-либо проблеск человеческого в первом акте, фактически прощает обитателей старого дома во втором? В спектакле два взаимосключающие атмосферы. И второй, светлой, режиссерским не отдаю ничего — ни мыслей, ни чувств. Зато первый акт — сама щедрость, разгул ее, претендующий на полноту избранных чувств героев. Эта интимность разговора со зри-

телем — один из источников популярности спектакля. Тем более театру следовало бы быть точным, завоевывать чувства зрителя на главном, а не принимать художественное изображение царства быта до истеричной болезни, когда в отдельных сценах врач был бы так же естествен, как в романах Бальзака — ростовщик.

Но опять я себя спрашиваю: как относиться к аплодисментам зрительного зала, звучащим под аккомпанемент смеха? Что это? Свообразная психологическая игра со зрителем, довольствующимся в театре эффектом узнавания? Серьезно ли оболещаться таким «успехом»?

Неспокойно однобокая трактовка пьесы с откровенным намерением «пощакотать» зрительские нервы, антиная по сравнению с другими его спектаклями режиссура Н. Бециса, странный ее прицел — все вызывает, мягко говоря, удивление. Предыдущий опыт постановки пьес, в которых нравственный мир человека раскрывается через семейно-бытовые отношения, опыт, находивший поддержку, проходит у Н. Бециса, казалось, как накопление профессионального багажа. Он мог бы стать хорошей основой для перехода и мышлению более серьезному и глубокому. Жаль, что в спектакле «Старый дом» этого не произошло. Не выявлена авторская вера в неисчерпаемость резервов добра в человеке. Вина героев, расплатой за которую стало улучшение счастья, не прозвучала. И словно, чья-то незримая рука, стерла в спектакле актерские лица, сотверив одну кричащую, уродливую маску...

Можно ли так расходовать актерский труд? После нескольких спектаклей эмоции поугаснут. Что останется? Артист, в конечном счете, всегда в спектакле первый либо прав, либо виноват. Он выходит к зрителю, смотрит ему в глаза. И куда бы в огромном мире, называемом жизнью, ни направился корабль, именуемый театром, его парус будет послушен ветру времени, если верно настроен актерский инструмент, если чутко актерское ухо, если на волну времени настроена его душа.

Об актерах, ведущих со зрителем диалог о нравственных основах жизни, — разговор в следующий раз.

Л. ДОРОШ

(Продолжение)

Начало в № 112, 114, 115.

[Окончание следует]